

А. В. КОПЕНЕВСКИЙ

**О ТРАССИБЕ, МОСКВЕ, РУССКОМ «НЕТ!»
И «КВИНТЭССЕНЦИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ДУХА»**
ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ А.ДЖ. ТОЙНБИ О РОССИИ

Статья посвящена малоизвестной странице биографии А.Дж. Тойнби – его путешествию из Китая в Европу через территорию Советского Союза в 1930 г. Эта поездка непосредственно предшествовала началу работы Тойнби над «Постижением истории», и впечатления от увиденного существенно повлияли на концептуальную основу главного труда его жизни. В статье предпринята попытка рассмотреть предысторию данного путешествия и проанализировать те сдвиги в мировоззрении Тойнби, которые стали следствием знакомства с советской действительностью.

Ключевые слова: Тойнби, Россия, цивилизационный подход, травелог, Транссиб, советская власть, Москва.

Травелог – чрезвычайно емкая и выразительная форма постижения и освоения «чужого» культурного пространства. Именно поэтому произведения данного жанра являются первостепенными источниками для исследования ментальности, этоса, идентичности и социокультурных стереотипов. Однако в том случае, когда путешественник оказывается одновременно ученым, и при этом обладает литературным даром, позволяющим облечь плоды наблюдений в яркие образы, емкие метафоры и точные дефиниции, травелог превращается из «сырья» для теоретизирования в его инструмент. Ярким примером такого совпадения позиций наблюдательного странника, пронизательного мыслителя и талантливо-го рассказчика является А. Дж. Тойнби – один из самых противоречивых историков и философов XX в. Как писал известный исследователь творчества Тойнби К. Уайнтроут, он всегда был по преимуществу «странствующим ученым»: «Когда задумываешься, как много написал Тойнби (написано ли кем-либо больше?), остается только удивляться, когда он успевал путешествовать. Если же задуматься, сколько он путешествовал, приходится удивляться, когда он находил время писать»¹.

Действительно, путевые заметки составляют весьма значительную часть наследия Тойнби, лишь в малой степени изученную исследователями. Однако без должного внимания к этой стороне интеллектуальной биографии Тойнби вряд ли возможна адекватная интерпретация его

¹ Winetrou. 1989. P. 208.

взглядов. В творческой лаборатории мыслителя травелогу отводилась особая роль. Тойнби мастерски использовал этот жанр как способ ментального картографирования исследуемого культурного пространства (сам он называл эту процедуру «нанести страну на карту»²) и форму первичного теоретического обобщения.

Еще в студенческие годы А. Дж. Тойнби пришел к убеждению, что прошлое нельзя понять, не вообразив и не прочувствовав его. Эта мысль нашла свое отчетливое выражение в одном из самых ранних сочинений – докладе «Что делает историк», с которым начинающий исследователь выступил в Оксфордском студенческом обществе в 1911 году³.

В этом докладе Тойнби утверждал, что главным «орудием» историка, посредством которого тот воссоздает прошлое, является воображение⁴: историк вырывает из тьмы веков минувшие эпохи, но именно воображение, а не само прошлое является источником света⁵. Жизнь живет настоящим и «отбрасывает прошлое, как змея свою кожу», поэтому подлинное волшебство даровано тому, кто способен, переносясь во времени, «возвзвать» к этому прошлому и привнести его в настоящее. Это и есть, по мысли Тойнби, «дар истинного историка». Разумеется, он не отрицает необходимости таких процедур, как классификация фактов, анализ и реконструкция, но это – лишь «прелюдия», имеющая такое же отношение к подлинной работе историка, «как пассы гипнотизера к гипнотическому трансу»⁶. Тойнби был твердо уверен в том, что нет более эффективного способа развить сей волшебный дар историка, чем посещение тех мест, коим посвящены его студии. Этому правилу он стремился следовать всю жизнь, и именно с путешествиями связаны наиболее значимые вехи его интеллектуальной биографии.

Первая догадка о параллельном сосуществовании в истории различных цивилизаций осенила Тойнби в 1912 г. во время путешествия по Греции. Много позже, будучи уже всемирно знаменитым автором «По-

² Royal Institute of International Affairs (Chatham House). Archives. Toynbee Section. 4/Toyn/11. 2646. Toynbee A. J. Letter to J. W. Headlam-Morley. 25.10.1928.

³ Bodleian Library. Special Collections. Toynbee Papers. Box 1. Toynbee A.J. What Historian Does (Essay read to an undergraduate club at Oxford in the university year 1910-1911). Сам Тойнби датировал данный опус 1910-1911 учебным годом, но поскольку в нем содержится ссылка на «инцидент Мёберли-Джордэйн», описанный в книге Шарлотты Мёберли и Элеоноры Джордэйн «Приключение» (*Moberly, Jourdain*. P. 127.), то именно год издания данной книги (1911) и должен считаться *terminus post quem* для датировки указанного доклада.

⁴ Ibid. P. 7.

⁵ Ibid. P. 2.

⁶ Ibid. P. 38-39.

стижения истории» и корифеем «цивилизационного подхода», он бережно хранил в памяти этот момент. В письме к известному исследователю творчества О. Шпенглера Г. Хьюзу (4 июня 1951 г.) Тойнби писал, что озарение снизошло на него 23 мая 1912 г., когда он обозревал вид Лаконии, открывшийся с вершины средневековой цитадели Мистры⁷. Эта идея приобрела более конкретные очертания в 1921 г. в ходе поездок Тойнби по Греции и Турции в качестве корреспондента «Манчестер Гардиан». Как рассказал он в том же письме Г. Хьюзу, план будущей книги был набросан им на половинке листа бумаги в поезде, в котором он возвращался из Греции в августе 1921 г., и вплоть до лета 1929 г. продолжалась детализация этого плана. Но, оценивая масштаб предстоящей работы, он осознавал, что для осуществления замысла ему явно не хватает личных впечатлений о тех странах и народах, прошлое которых предстоит оживить на страницах задуманного *opus magnum*.

К счастью, именно тогда, в 1929 г. у Тойнби появилась возможность совершить турне через всю Евразию за счет правительства Его Величества. К тому времени, благодаря своим «Обзорам международной политики», он успел завоевать репутацию маститого аналитика, в связи с чем получил предложение принять участие в конференции Института тихоокеанских отношений. Провести ее планировалось осенью 1929 г. в Киото, что открывало перед Тойнби возможность – на тот момент еще достаточно призрачную – по пути в Японию и по возвращении с конференции посетить разные страны и напитаться впечатлениями, столь необходимыми для воплощения амбициозного замысла. Оставалась сущая мелочь: найти средства для такого турне. За помощью Тойнби обратился к влиятельному чиновнику Foreign Office, историку и политическому аналитику сэру Джеймсу Виклифу Хедлэм-Морли, под началом которого он трудился в годы войны в Департаменте пропаганды МИДа. Бывший шеф был высокого мнения о талантах Тойнби, лестно отзывался о его «Обзорах международной политики» и взялся выхлопотать командировку на конференцию. В октябре 1928 г. вопрос был решен положительно⁸, и Тойнби начал подготовку к поездке. Детали путешествия он обсуждал с Арчибальдом Роузом – членом Тихоокеанского совета Института тихоокеанских отношений, знатоком Китая, Дальнего Востока и Центральной Азии, бывшим коммерческим атташе Британского посоль-

⁷ Bodleian Library. Special Collections. Toynbee Papers. Box 40. Toynbee A.J. Letter to H.S. Hughes. 4.06.1951.

⁸ R.I.I.A. (Chatham House). Archives. Toynbee Section. 4/Toyn/11. 2646. Toynbee A. J. Letter to J. W. Headlam-Morley. 25.10.1928.

ства в Китае и вице-президентом Британской коммерческой палаты в Шанхае⁹, а в то время – президентом крупнейшего английского банка в Восточной Азии Chartered Bank of India, Australia and China¹⁰.

По предложению жены, заядлой автомобилистки, было решено до Константинополя добираться на машине вчетвером, взяв с собой двух старших сыновей. Поэтому в мае 1929 г. Тойнби обзавелся «фордом» и сдал экзамен на водительские права. 23 июля 1929 г. экспедиция покинула Лондон. Через 23 дня, преодолев 2044 мили, семейство достигло Константинополя. Оставив детей на попечение сотрудников Американского женского колледжа, Розалинд проехала с мужем на поезде до Анкары, после чего вернулась к сыновьям, а сам Тойнби проследовал до пункта назначения. Но это была лишь часть его грандиозного замысла: возвращаться из Киото Тойнби решил не самолетом через США, как остальные участники конференции, а поездом, через Россию.

Это путешествие сулило Тойнби личное знакомство со страной, издавна притягивавшей его внимание. Уже в сделавшей его знаменитым книге «Национальность и война» (1915) он пытается осмыслить исторический опыт России, ее роль в европейской политике и культуре. При этом он признал законность геополитических притязаний России, разоблачил «панславистскую страшилку» германской пропаганды и осудил своих соотечественников-русофобов, выдвинувших лозунг «после Германии – Россия!». Доказывая, что Россия – неотъемлемая часть европейского культурного и политического пространства, Тойнби выразил преклонение перед русской литературой, «столь же значимой и важной для мировой духовной истории, как и французская литература восемнадцатого столетия», и восхищение нравственной позицией российской интеллигенции, не заискивающей перед правительством в отличие от «изолировавшихся» немецких интеллектуалов¹¹. Оспаривая мнение об отчужденности русского образованного класса от своего народа, он писал: «Русская интеллигенция обретает живительную влагу в неистощимом источнике народной жизни. Когда вы читаете русский роман, вы попадаете из космополитической среды индустриальной Европы в “Святую Русь” – мир рек и лесов, снега и солнца, религиозных традиций и обычаев, совершенно незнакомый вам прежде. Но вы неожиданно легко привыкаете к нему, потому что струящееся в нем чувство жизни столь же отчетливо, как звук прибой, который улавливается вашим ухом после

⁹ Encyclopedia Sinica. P. 66.

¹⁰ Mackenzie. 1954. P. 272-273.

¹¹ Toynbee. 1915. P. 295, 298.

нескольких месяцев пребывания вдали от моря»¹². О русской литературе Тойнби судил не понаслышке. Упоминания в его работах и переписке свидетельствуют, что он читал книги как минимум четырех писателей – Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, С. Т. Аксакова и Ф. М. Достоевского. Теперь ему предстояло воочию увидеть воспетую ими «Святую Русь».

Однако столкновение с российской реальностью в ходе поездки, предпринятой сразу после Киотской конференции в январе 1930 г., нанесло тяжкий удар по устоявшимся представлениям мыслителя.

Прологом неприятностей стал на первый взгляд малозначительный эпизод во Владивостоке, в фойе «Первой Коммунистической гостиницы», где перед отправкой на вокзал собрались попутчики – японская выпускница университета, мечтавшая о карьере парижского модельера, секретарь французской дипломатической миссии в Китае, немецкий предприниматель из Ханькоу, новозеландец-служащий Восточной телеграфной компании, ирландец-чиновник Китайской морской таможни и сам Тойнби. Отъезжавшие столкнулись с группой англичан, только что прибывших московским поездом. В короткой беседе те успели рассказать горестную повесть о том, как за полтора дня до Владивостока их вагон-ресторан был отцеплен, и на оставшемся отрезке пути они были вынуждены сами добывать пропитание. В тот момент путешественники не придали значения сей ламентации. Оказалось – зря: вагона-ресторана в поезде действительно не было. Поначалу не очень расстроились, так как в представительстве советского бюро путешествий во Владивостоке, где приобретали билеты, вояжеров заверили, что на всем пути следования проводники будут потчевать их чаем, кофе, бутербродами, яйцами, сыром и молоком. Но и это оказалось мифом. Оставалось ждать явления вагона-ресторана. Прибытие в Хабаровск не оправдало надежды. Произошло это только на третий день пути в Бочкарево – узловой станции на соединении Транссибирской и Амурской железных дорог, когда несчастные путешественники уже успели уничтожить все запасы съестного, завалившиеся в их багаже. «Душа моя взалкала бочкаревских котлов с мясом¹³, как лань стремится к потокам воды»¹⁴, – так, пересыпая речь библейскими аллюзиями, описывал свое состояние Тойнби.

¹² Ibidem.

¹³ «Котлы с мясом» (flesh-pots) — отсылка к 16-й главе книги Исход, повествующей о том, как сыны Израилевы, страдая от голода в Синайской пустыне, роптали на Моисея: «О, если б мы умерли от руки Господней в земле Египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта!» (Исх. 16: 3).

¹⁴ Цитата из первого стиха 41 псалма (в Библии короля Якова — псалом 42). *Toynbee*. 1931. P. 303.

Впрочем, не ограничиваясь краткой цитатой, позволим автору описать столь долгожданную встречу с вагоном-рестораном: «Когда мы выскочили из вагона в Бочкареве, более нетерпеливо, чем мы делали это в Хабаровске, волна холода заставила моментально забыть о бесценной цели наших поисков. Это был легендарный сибирский холод – холод, который иссушал лицо подобно огню и словно электрическим током пронизывал ноги. Но кого это волновало? Потому что наконец-то мы увидели на запасном пути вагон-ресторан, приближавшийся к нашему поезду неторопливо и размеренно, словно леди, осознающая себя покорительницей сердец. Возликовав, мы кинулись в вагон, и тем же вечером вдосталь насытили свои утробы русской снедью»¹⁵. Счастье вояжеров было недолгим: через пару дней вагон-ресторан вновь – теперь уже до конца рейса – исчез, обрекая иностранцев на новые мытарства. Но еще до этого произошло событие, побудившее Тойнби к размышлениям о странностях русского национального характера и советской политики.

«На третье утро, лежа на своей полке и постепенно отходя от сна, я вдруг осознал, что поезд стоит на месте подозрительно долго. Что за важная станция удостоилась столь затянувшейся стоянки? Я потянул занавеску и к моему удивлению обнаружил, что мы стали посреди дикой местности. Одетые инеем березы – вот и все, что могло быть замечено»¹⁶. Вступив в коммуникацию посредством жестов и мимики с «моржеусым» проводником, Тойнби понял (точнее, ему показалось, что тот именно это хотел объяснить), что поезд остановился из-за большого уклона, вследствие чего паровоз отправился на ближайшую станцию за подмогой. «Я не мог разглядеть ни малейшего уклона на всем протяжении пути, пролежавшем, как казалось, по абсолютно ровной местности, – продолжает Тойнби свое повествование, – но как ни странно, я ранее уже попадал в подобную ситуацию с локомотивом (на анатолийской станции, называвшейся Эль Ван, чуть западнее Анкары), поэтому поначалу я не испытал недоверия. Но час шел за часом, и в конце концов я набрался храбрости, чтобы несмотря на холод отправиться на разведку. И когда я пробрался через сугробы к голове поезда, оказалось, что, как я и подозревал, ситуация куда серьезнее, чем можно было предположить поначалу. Локомотив не покинул нас на склоне, а кротко стоял отцепленным всего в нескольких ярдах от переднего вагона. Именно этот вагон был преступником: его передняя тележка сошла с рельсов! И тут я стал свидетелем сцены, которая показалась мне воплощением советской

¹⁵ Ibid. P. 304.

¹⁶ Ibidem.

политики. Контрреволюционный элемент подвижного состава был решительно атакован Красной Армией, экипированной по случаю схватки форменными остроконечными шлемами. Но, увы, Красная Армия была домом, разделившимся в самом себе¹⁷. С одной стороны, фракция Троцкого упорно пыталась закрепить тележку клиньями из свежесрубленных бревен; с другой – фракция Сталина налегала плечами на колеса, явно желая сдвинуть тележку, которую их товарищи старались закрепить. Две силы казались равномерно согласованными, и насколько я мог видеть, их перетягивание каната могло бы продолжаться вечно. Так что я вернулся в свое логово и улегся в ожидании похода в вагон-ресторан¹⁸.

Но, как уже было сказано, наслаждаться ресторанной кухней пассажирам спального вагона оставалось недолго, и вскоре советская действительность обернулась к ним еще одной малоприятной стороной. За неимением ресторана иностранцы вынуждены были метаться на станциях в поисках буфета, рискуя отстать от поезда, отправлявшегося без всяких предупреждений (на одной из станций шесть пассажиров — пять русских и один бурят – так-таки отстали и были обречены на четырехдневное ожидание следующего поезда). Еще одним неприятным открытием оказались карточки на хлеб, каковых у иностранцев, естественно, не было. Поэтому разжиться хлебом они могли только, если ели купленную еду непосредственно в помещении буфета. Однако из-за коварства паровоза делать это они опасались. Русские пассажиры выходили из положения, совершая набег на буфет с собственной посудой. Иностранцы вынуждены были позаимствовать их тактику, но, увы, ничего вместительней плошек для бритвы у них под рукой не было. Описывая эту трагикомическую ситуацию, Тойнби попутно замечает разницу в ее восприятии пассажирами спального вагона. Ирландец и новозеландец, жившие в Китае и привыкшие к роли *en grand seigneur* перед лицом своих китайских подчиненных и слуг, предпочитали голодать, но не унижаться. Сам Тойнби и немецкий предприниматель в меру сил пытались участвовать в этих гонках за миской сальной баланды, а вот японка проявила невиданную прыть и сообразительность. «Трудно было представить, – с восхищением пишет Тойнби, – что она лишь однажды бывала за границей – плавала пароходом в Шанхай. Можно было подумать, что она путешествовала по России с дюжину раз, и ей были хорошо знакомы все возможные превратности. Самообладание, рассудитель-

¹⁷ Евангельская аллюзия: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мат. 12: 25).

¹⁸ *Toynbee*. 1931. P. 304-305.

ность и инициатива никогда не изменяли ей. И именно ее интуиции мы были обязаны ценным обретением – жареным гусем, который в течение трех черных дней поддерживал искру жизни в наших телах»¹⁹.

Но и это было не последним испытанием пассажиров спального вагона. В Чите иностранцы стали жертвами «пролетарского нашествия»: по чьей-то злой воле к ним в купе были подселены русские пассажиры, несмотря на то, что соседний вагон был полупуст, и билеты в нем были значительно дешевле, чем в международном. Тойнби еще повезло: его «компаньон» относился к попутчику-иностранцу с бесхитростным любопытством посетителя зоопарка, а вот к японке подселили «агрессивную представительницу новой коммунистической интеллигенции», которая всем своим видом и поведением демонстрировала классовую ненависть. Но мало этого: захватчики принесли за собой шлейф стойкого запаха немытого тела – «священного благоухания Святой Руси», как назвал его Тойнби, словно насмехаясь над своим прежним, пятнадцатилетней давности, книжным образом России. И будто сводя счеты с прежней любовью к русской литературе, он бросает походя: «Полагаю, что мы наслаждались тем самым “восхитительным резким запахом” русского крестьянина, который с таким удовольствием упоминает Толстой»²⁰.

Еще целых три дня иностранцы «наслаждались» обществом русских попутчиков и, наконец, на исходе десятых суток, изголодавшиеся, измученные вагонной тряской, постоянными поломками и опозданиями, достигли Москвы. Но самого Тойнби ждало еще одно испытание.

Итак, сколь бы ни был тяжок путь из Владивостока, теперь он был позади, и Тойнби – пусть и с опозданием в тридцать три часа – оказался у цели своего путешествия. Вот-вот он сможет познакомиться с городом, так давно манившим его. В его блокноте²¹ были выписаны фамилии видных советских дипломатов, политиков и ученых, с которыми Тойнби предполагал встретиться в Москве. Среди них – заведующий отделом международных договоров Наркомата иностранных дел, автор капитальных трудов по истории и теории дипломатии профессор кафедры международного права Московского университета А. В. Сабанин²², член политбюро компартии Великобритании и британский кор-

¹⁹ *Toynbee*. 1931. P. 312.

²⁰ *Ibid*. P. 313-314.

²¹ Bodleian Library. Special Collections. Toynbee Papers. Box 91. Journeys (1): Visits to China.

²² *Бассехес*. 1939. С. 122-123. Большинство работ А. В. Сабанина до сих пор не утратило своего научного значения: Вашингтонская конференция...; Международная политика...; *Сабанин*. 1930.

респондент ТАСС А. Ротштейн²³, один из влиятельнейших чиновников НКВД и близкий друг наркома Г. В. Чичерина П. М. Петров²⁴. Не исключено, что встреча с самим наркомом также входила в его планы, если принять во внимание, что Тойнби был близко знаком с двоюродным братом Чичерина, бароном А. Мейендорфом²⁵.

Однако эти планы разбились о твердыню советского сервиса. Многочасовые блуждания Тойнби по Москве в поисках гостиницы и препирательства с царственными швейцарами закончились обретением частички родины в британском посольстве и окончательно укрепили в нем желание как можно скорее покинуть враждебный город. Стремление это было столь сильным, что когда в машине, везшей Тойнби на вокзал, лопнула шина, то угроза опоздать и задержаться в Москве еще на сутки довела его до состояния, близкого к истерике. К счастью, машину удалось сменить, и через сорок два часа пребывания в советской столице, сытый по горло российской экзотикой, Тойнби покинул Москву.

Итак, двенадцати суток хватило, чтобы произошло полное превращение интеллектуала-русософила в нового маркиза де Кюстина. При этом характер «испытаний», обрушившихся на Тойнби и приведших к столь радикальной метаморфозе, может на первый взгляд показаться комически несущественным в сопоставлении с трагизмом их восприятия и философско-историческим масштабом сделанных им выводов. Ведь по сути, все это можно отнести к разряду «бытовых неурядиц»: исчезновение вагона-ресторана, опоздания и поломки поезда, очереди в буфете, подселение русских пассажиров, ночное плутание по Москве в поисках гостиницы... Но это *на наш взгляд* «мелочи», ибо русский человек (тем паче – советский) привык, как сказано в армейской присяге, «стойко переносить тяготы и лишения» и с философской невозмутимостью воспринимать бытовую неустроенность, самодурство начальников, «ненавязчивость» сервиса. А в сознании британца, привыкшего к налаженному быту, комфорту и безупречной организации сферы обслуживания, эти неприятности обретают масштаб личной драмы, побуждая к глубоким раздумьям, поиску исторических аналогий и подходящих метафор.

²³ В данный период Andrew Rothstein из-за политических разногласий с руководством КПВ временно находился в Москве. Тойнби мог быть знаком как с ним самим, так и с его отцом, членом коллегии НКВД, ответственным редактором журнала «Международная жизнь» Ф. А. Ротштейном, который в годы Первой мировой войны, как и Тойнби, работал в Министерстве иностранных дел Великобритании.

²⁴ McHugh, Ripley. 1985. P. 727-738.

²⁵ Meyendorff. 1971. P. 173-178; Тойнби. 2003. С. 486-491.

В какой-то момент Тойнби уже перестает удивляться всем этим напастям, приходя к выводу, что непредсказуемость русских производна от глубоко укорененных в этом обществе тиранических традиций. Тиран здесь – любой, кому обстоятельства позволяют тиранствовать. В этом грехе он подозревает даже паровоз, который норовит прикинуться кроткой овечкой, но как только изголодавшиеся пассажиры отправляются на поиски станционного буфета, норовит под всеми парами сбежать со станции: «Если каприз – сущность тирании, то наш локомотив был столь же законченным тираном, как любой царь или комиссар»²⁶.

Но еще больше Тойнби потрясен реакцией русских – проводников, буфетчиков, швейцаров, должностных лиц – на робкие попытки иностранца выяснить, каковы причины возникающих неудобств и как можно их устранить. И в этой реакции ему открылось предельно емкое выражение русского национального характера – маркирующий признак цивилизационной принадлежности России. Всякий раз, спрашивая, будет ли прицеплен к составу вагон-ресторан, почему в буфете нет горячего супа, есть ли места в гостинице, Тойнби слышал предельно краткий и выразительный ответ: «Нет!». То, как это произносится, побуждает его назвать данную реакцию не словом, а *жестом*, в совершение которого вовлечено все тело отвечающего: «вскинутые брови, опущенные углы рта, свисшие плечи, слегка согнутые в коленях ноги. Более того, для завершения общей картины сойдет практически любое слово. В Турции это *Yoq!* В Греции — *dén êçi!* И как только я узрел сей жест в том общем настрое, с каким русский проводник произнес свое “Нет!”, я понял, что уже покинул Дальний Восток и вновь оказался на Ближнем». Тойнби предпринимает «дешифровку» семантики этого «жеста» в выражениях, которые впоследствии с незначительными вариациями будут воспроизводиться на многих страницах «Постижения истории» и других работ, посвященных России и Византийской цивилизации: «Это квинтэссенция византийского духа – духа пораженчества, приправленного злорадством, когда удастся лицемереть неудачи франкского варвара: “Быть может, это вразумит вас – вас, невежественные, нечестивые, неугомонные франки, ропшущие на Бога и Человека, что обетования исполнятся, надежды сбудутся и все свершится, как предначертано. Возможно, это преподаст вам урок того, что есть жизнь, подобная сонму святых, угодных Богу”. Именно эту неприязненность передает сей архивизантийский жест»²⁷.

²⁶ *Toynbee*. 1931. P. 309.

²⁷ *Ibid*. P. 301-302.

Глубоко символично, что все параллели и аналогии, которые использует Тойнби в описании путешествия по России, в полном соответствии с вынесенным вердиктом, связаны с Ближним Востоком и Балканами: остановка поезда из-за сложности преодоления уклона при кажущемся отсутствии такового заставляет его вспомнить сходный случай, произошедший с ним в Анатолии; вереницы телег на льду Шилки показались похожими на караваны верблюдов в Турции или Сирии; испуг лошадей при виде поезда напомнил подобную реакцию лошадей на автомобиль во время его путешествия по Болгарии. Даже зловоние, исходившее от подселенного в его купе русского пассажира, Тойнби сравнивает ни много ни мало, с запахом в церквях на горе Афон или смрадом в курятнике, в котором ему пришлось заночевать однажды в Анатолии.

Однако, указывая на византийское первородство России, Тойнби намеренно подчеркивает различия в культуре, видя в них признак огрубления исходных первообразов. С нескрываемой антипатией пишет он о Москве, ее восточной, варварской «экзотичности». Он многократно подчеркивает «уродливость» и «вымученность» кремлевских церквей: «Нужен наметанный глаз археолога, чтобы распознать в чудовищно искривленных куполах, доминирующих над городом, прямое родство с куполом Святой Софии». И далее: «Полюбуйтесь, что стало со Святой Софией в русских руках. Ее красота низведена до уродства»²⁸. А собор Василия Блаженного просто вызывает у Тойнби отвращение, и он признается, что «почти благодарен большевикам за то, что они осквернили сие место поклонения». В этой исторической ретроспективе советизация России видится Тойнби закономерной: «Если Кремль демонстрирует непрерывность русской истории в политическом плане, то собор Ивана Грозного на Красной площади доказывает то же самое на более глубоком уровне – в плане идейном и эмоциональном. Этот ужасный памятник русского духа с очевидностью свидетельствует, что Россия пребывала во власти тьмы еще до того, как власть захватили большевики»²⁹.

Тойнби был не первым и не последним западным вояжером, содействовавшим «ориентализации» образа России в глазах Запада. Но, во-первых, в отличие от маркиза де Кюстина или его новой инкарнации, Р. Капуцинского³⁰, изначально не испытывавших симпатий к России, его позиция стала *результатом* русского турне, а во-вторых, далеко не все «клеветники России» отличались такой писательской продуктивно-

²⁸ Ibid. P. 329.

²⁹ Ibid. P. 327.

³⁰ Капуцинский. 1994.

стью и влиянием на общественное мнение. После войны, когда книги Тойнби издавались многотысячными тиражами, трактовка русской истории, берущая начало в травелоге 1930 года, стала фактом общественного сознания Запада, да в общем-то и остается таковым по сию пору.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Тойнби А.Дж.* Пережитое. Мои встречи. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 486-491.
- Бассехес Н.* Исчезнувшие советские дипломаты // Русские записки. 1939. Т. XIX. Июль. С. 121–138.
- Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и Тихоокеанским и Дальневосточным вопросам 1921–1922 г. / Пер.: Сабанин А.В. Вступ. ст. Л.Е. Берлин. М.: Литиздат НКВД, 1924. 142 с.
- Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1–3, Под ред. Ю.В. Ключникова и А.В. Сабанина. М.: Литиздат НКВД, 1925–1929. 1690 с.
- Сабанин А. В.* Посольское и консульское право. М.; Л.: Госиздат, 1930. 342 с.
- Andrew Rothstein // Wikipedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Andrew_Rothstein (время доступа 10.02. 2011).
- Encyclopaedia Sinica. Ed. by S. Couling. Shanghai: Kelly & Walls Limited, 1917. viii, 633 p.
- Kapuscinski R.* Imperium / Translated from Polish by Klara Glowczewska. London: Granta in association with Penguin, 1994. x, 331 p.
- Mackenzi C.* Realms of Silver. One hundred years of banking in the East (A history of the Chartered Bank of India, Australia and China). London: Routledge & Kegan Paul, 1954. xiv, 338 p.
- McHugh J., Ripley B. J.* Russian Political Internees in First World War Britain: The Cases of George Chicherin and Peter Petroff // The Historical Journal. 1985. Vol. 28. № 3. P. 727–738.
- Meyendorff A.* My Cousin, Foreign Commissar Chicherin // Russian Review. 1971. Vol. 30. № 2. P. 173–178.
- Moberly C. A. E., Jourdain E. F.* An Adventure. London: Faber & Faber, 1911. 127 p.
- Toynbee A. J.* A Journey to China, or the Things which Are Seen. London: Constable & Co, 1931. P. x, 345.
- Toynbee A. J.* Nationality and the War. London: J.M. Dent & sons, 1915. P. xii, 522.
- Winetrou K.* After One Is Dead: Arnold Toynbee as Prophet. Essays in Honor of Toynbee's Centennial. Hampden, Mass.: Hillside Press, 1989. vii, 212 p.
- Корневский Андрей Витальевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения Южного федерального университета (Ростов-на-Дону); root1961@list.ru